

НОВАТОРСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА INNOVATIONS IN 20th-CENTURY LITERATURE

DOI 10.15826/izv2.2022.24.2.023

УДК 821.161.1-312.9 + 1:304.9 + 316.74:82

Т. И. Хоруженко

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

«МАРСИАНСКИЕ» РОМАНЫ В РУССКОЙ ФАНТАСТИКЕ НАЧАЛА XX В.

В статье представлена попытка рассмотреть формирование «марсианского» текста в русской литературе периода Серебряного века. Анализируются три романа о путешествии на Марс (П. Инфантьев «На другой планете», В. Крыжановская «На соседней планете», А. Богданов «Красная звезда»), вышедшие в России с 1901 по 1908 г. Цель исследования — выявить основные устойчивые элементы структуры, проявившиеся во всех трех романах. В исследовании применялись методы сравнительно-исторического анализа, все три романа сопоставляются друг с другом, а также встраиваются в контекст мистических, утопических и научных исканий эпохи. Автору удалось выявить в трех романах общие элементы структуры повествования (троичная композиция: описание жизни на Земле — полет на Марс — возвращение) и сюжета (взаимодействие землян и марсиан, представление о марсианах как о старших товарищах, сюжет о любви марсианки и землянина), проследить взаимосвязь трех романов с утопиями места, времени и жизнестроительства, популярными в Серебряном веке. В статье также рассматривается влияние «марсианского» текста, сложившегося в начале века, на последующую советскую научную фантастику, начиная с «Аэлиты» А. Толстого и заканчивая романами 1960–1980-х гг. В результате автор приходит к выводу, что «марсианский» текст начала XX в. поставил основные вопросы о взаимодействии с обитателями других планет, о возможности колонизации и о той цене, что необходимо платить за контакт с другими мирами, поиском ответов на которые занималась в дальнейшем советская научная фантастика.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научная фантастика; утопия; жизнестроительство; Серебряный век; фантастический роман; «марсианский» текст; массовая литература

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6131.2021.2. «Творческое наследие уральских поэтов и писателей в контексте исторических вызовов рубежа XIX–XX вв.».

Ц и т и р о в а н и е: Хоруженко Т. И. «Марсианские» романы в русской фантастике начала XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 44–56. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.023>

Поступила в редакцию: 17.04.2021

Принята к печати: 17.03.2022

Tatiana I. Khoruzhenko

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

“MARTIAN” NOVELS IN RUSSIAN SCIENCE FICTION IN THE EARLY 20th CENTURY

This article presents an attempt to consider the formation of the “Martian” text in Russian literature during the Silver Age. The author studies three novels about trips to Mars (*On Another Planet* by P. Infantiev, *On a Neighboring Planet* by V. Kryzhanovskaya, *Red Star* by A. Bogdanov) published in Russia from 1901 to 1908. The aim of the study is to identify the main stable elements of the structure that appeared in all the three novels. The author employs methods of comparative historical analysis. All the three novels are compared with each other and placed into the context of the mystical, utopian, and scientific searches of the epoch. The author identifies common elements of the structure of the narrative in the three texts (the composition consists of three parts: description of life on Earth — flight to Mars — return) and plot (interaction between earthlings and Martians, the idea of Martians as older comrades, a love story of a Martian and an earthling). It was also possible to trace the correlation of the three novels with the utopias of place and time and find out the influence of life-creating strategies that were popular in the Silver Age. The article examines the influence of the “Martian” text which emerged at the beginning of the century on Soviet science fiction starting with A. Tolstoy’s *Aelita* and ending with the novels of 1960s–1980s. As a result, the author concludes that the “Martian” text of the early twentieth century laid down the main questions about interaction with the inhabitants of other planets, the possibility of colonization, and the price that one must pay for the contact with other worlds. Soviet science fiction searched for answers to them.

Key words: science fiction; utopia; life construction; Silver Age; science fiction; “Martian” text; mass literature

Acknowledgements

This publication was completed in the framework of grant МК-6131.2021.2. “The Literary Heritage of Ural Poets and Writers in the Context of Historical

Challenges at the Turn of the 20th Century” supported by the *Russian Federation President Grants Foundation*.

Citation: Khoruzhenko, T. I. (2022). “Marsianskie” romany v russkoi fantastike nachala XX v. [“Martian” Novels in Russian Science Fiction in the Early 20th Century]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(2), 44–56. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.023>

Submitted: 17.04.2021

Accepted: 17.03.2022

Начало XX в. в России ознаменовано взлетом интереса к фантастическому. Развитие технического прогресса, открытия в разных областях науки повлияли и на художественное творчество. В Серебряном веке к фантастике обращались самые разные авторы — от В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Белого до авторов «массовой литературы». Целью нашей статьи станет анализ «марсианского» текста русской литературы начала века, выявление устойчивых элементов в его структуре, отразившихся впоследствии в «Аэлите» А. Н. Толстого. В России в период Серебряного века публикуются сразу три романа, в которых речь идет о путешествии на красную планету: романы П. Инфантьева «На другой планете» (1901), В. Крыжановской «На соседней планете» (1903), А. Богданова «Красная звезда» (1908), в 1913 г. выйдет продолжение — «Инженер Мэнни».

Все три романа объединяются не только общим сюжетом: землянин попадает на Марс, но и жанром — это первые фантастические романы в России. Е. Ю. Козьмина отмечает, что в начале XX в. сложились три направления фантастики: научная фантастика, в центре которой находится испытание научной идеи, авантюрная фантастика, в основе которой приключенческий сюжет, и авантюрно-философская фантастика, ставящая своей целью испытание философской идеи [Козьмина, с. 70]. Согласно определению Н. Д. Тamarченко, в авантюрно-философской фантастике «безусловная реальность (не иносказательность) мира персонажей сочетается с философско-экспериментальным характером сюжета, включая внутреннюю основу поступка героя, причем такой сюжет имеет целью испытание идеи» [Тамарченко, с. 277].

В анализируемых нами романах сам факт путешествия на другую планету оказывается своего рода мысленным экспериментом, а землянин в новом пространстве выполняет в первую очередь функцию наблюдателя.

Сложившиеся в начале XX в. разновидности фантастического оказали влияние на утопию и географический роман. Следы подобного влияния прослеживаются и в анализируемых нами произведениях.

Утопизм — характерная черта русского Серебряного века. В этот период расцветают самые разные формы утопий: от мистических до коммунистических. Поспособствовало развитию утопий, в том числе о переселении на другие планеты, учение Н. Ф. Федорова, верившего среди прочего в то, что человек должен быть деятелем, «познающим движение миров во Вселенной» [Егоров, с. 284]. Учение Федорова, развитие науки и техники отразились на творчестве

символистов — самого значительного литературного направления начала века. Утопизм символистов проявлялся не только в стихах, эссе и литературно-критических статьях, но и в «жизнетворчестве», под которым в общих чертах понимается неразрывность и неслиянность их художественного творчества и биографии [Аверинцев; Сарычев; Паперный]. Как отмечает Е. А. Худенко, «для символизма житнетворчество осуществлялось как фундаментальное основание для переустройства всего бытия» [Худенко, 2010, с. 70]. Сверхцелью их житнетворческого проекта в таком случае становится «создание нового человека» [Худенко, 2001, с. 60], а основным способом достижения этой цели — искусство. Примером подобного проекта может служить творчество А. Белого. Так, в рассказе «Аргонавты» (1904) колонисты отправляются на диковинном корабле к Солнцу, дабы построить новую идеальную жизнь. При этом в данном рассказе фантастика еще не занимает главенствующего места: путешествие к Солнцу — это метафора, символ сверхчеловеческих амбиций. Эта идея житнестроительства была прочно связана с идеей «превосхождения себя», построением идеального человека, сверхчеловека, «аргоната» на Земле, должного обладать качествами жреца и визионера.

Таким образом, посредством художественного творчества авторы пытаются воспитать нового человека. Эта же цель — создание нового человека — оказывается важной и для собственно фантастических романов начала века. В них герой оказывается своего рода избранным, тем, кому открываются новые тайны и нравственные ориентиры. Пафос житнетворчества, заложенный символистами, оказал значимое влияние на массовую литературу.

На фантазию авторов воздействовали и достижения научно-технического прогресса. В частности, можно вспомнить утопические проекты К. Э. Циолковского, тесно связанные с покорением Космоса [Егоров, с. 356]. Как отмечает Б. Ф. Егоров, развитие воздухоплавания «будило мысль ученых и фантастов о полетах за пределы воздушного слоя, на другие планеты Солнечной системы» [Там же, с. 343]. Исследователь подчеркивает, что российские фантасты вдохновлялись не только научными открытиями, но и ранними произведениями Г. Уэллса («Машина времени», 1895; «Остров доктора Моро», 1896; «Человек-невидимка», 1897; «Война миров», 1898). Размышления о жизни на других планетах в этот период занимали не только фантастов, но и крупных ученых: Макс Планк, Чарльз Сандерс Пирс и даже Альберт Эйнштейн говорили о возможности контактов с иными существами — инопланетянами [Иванов, с. 161].

Выбор Марса как места действия романов может объясняться также научными открытиями. В 1877 г. астроном Джованни Скиапарелли открыл на Марсе «каналы» [Там же, с. 178]. В середине 1890-х гг. идея о существовании на Марсе каналов получила развитие в трудах американского астронома-любителя Персиваля Лоуэлла. Его концепция заключалась в том, что на Марсе существовала более древняя, чем земная, цивилизация, столкнувшаяся с планетарной катастрофой. Учитывая, что каналы охватывали всю планету, Лоуэлл предположил, что на Марсе существовало планетарное правительство. Эта история дала почву

для многих фантастических романов, которые некоторые доверчивые читатели рубежа веков принимали за правду [Зубов, с. 101].

Перенос места действия с Земли в космическое пространство впервые произошел в авантюрной фантастике XIX в. благодаря Ж. Верну. Его роман «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов и 20 минут» вышел в 1865 г. Второй роман — «Вокруг луны» — появится в 1869 г. Романист сочетал географический роман приключений с научно-фантастическим очерком и сциентемой, что «видно уже в “репортажных” заглавиях некоторых романов» [Козьмина, с. 65]. В 1901 г. выходит еще один «лунный» роман — «Первые люди на Луне» Г. Уэллса. Его герои — селениты — появятся позже и в отечественной фантастике у В. Крыжановской. В начале века, таким образом, формируется корпус «лунных текстов», неплохо известных читающей публике. В этой связи перенос места действия романов на Марс отчасти может быть обусловлен поиском нового, еще не описанного пространства.

Кроме того, стремление точно зафиксировать место действия романа у русских авторов может объясняться топологическим поворотом, произошедшим в культуре во второй половине XIX в. и к началу XX в. уже достаточно осознанным (сложился так называемый «петербургский текст»). В этот период топография «прорастает» в культуру, проявляясь в различных форматах [Гаврилина, с. 30].

Интерес к топографии совпадает с интересом к этнографии. Описание Марса в творчестве первых фантастов носит отчетливо этнографический оттенок: землянин описывает все, что видит на другой планете, — внешность, нравы и обычаи марсиан, природу и научные достижения. Роман «На другой планете» сопровождается даже картой Марса.

Первый в русской литературе фантастический роман о Марсе написал Порфирий Инфантьев — этнограф, описывавший народы Урала и Сибири [Грамматчикова, с. 118]. Роман «На другой планете» он опубликовал в 1901 г. Его герой — образованный молодой человек (имя его не раскрывается) — попадает волею случая в таинственную астрономическую лабораторию в швейцарских Альпах, а затем — на Марс. При этом путешествие произойдет не физически, а ментально — герой поменяется сознанием с марсианином, который хочет осмотреть Землю.

Герой перемещается на Марс, где знакомится с семейством марсианина Пакса. Сын Пакса, напротив, отправляется на Землю. Герой путешествует по Марсу с младшей дочерью оказавшего ему гостеприимство инопланетянина Либерией. Юная марсианка влюбляется в землянина. Но он вынужден резко прервать путешествие, поскольку марсианин на Земле заболевает. Через несколько лет, при попытке вернуться в обсерваторию, молодой человек узнает, что ее обрушило землетрясение.

В этом научно-фантастическом романе смешиваются черты, характерные для утопии (описание идеальной организации жизни) и собственно научной фантастики. Напомним, что, по определению Е. Н. Ковтун, для научной

(рациональной) фантастики обязательным условием является наличие научного допущения [Ковтун, с. 17].

Обмен телами происходит в соответствии с марсианской наукой. Хотя сама идея о попадании в будущее через сомнамбулическое состояние в русской фантастике не нова: впервые она была высказана в романе В. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма». При этом роман Инфантьева стал последним в ряду утопий, где герой попадает в иное место через «сон». В дальнейшем перемещение будет осуществляться уже в физическом плане.

Инфантьев подчеркивает, что марсиане по уровню развития и общественного устройства далеко превосходят землян. Их мир — это технически развитое утопическое государство. Марсиане живут без городов, поскольку у них исчезла необходимость в этом «антигигиеническом способе поселений» благодаря развитию транспорта. Жилища марсиан соединены подводными трубами со складами и магазинами, что позволяет снабжать их всем необходимым. «Таким образом, нам нет никакой надобности жаться друг около друга в тесных и душных больших городах и селениях» [Инфантьев], — объясняет герою особенности жизни на Марсе Либерия.

В мире марсиан нет пороков и негативных чувств. Именно поэтому они работают над тем, чтобы научиться общаться с помощью мысли: «чтобы каждый, имеющий его (прибор “психоскоп”. — *Т. Х.*), без слов мог понимать и без слов передавать свои мысли другим» [Там же]. Нет у марсиан и потребностей в ежедневном труде, что дает им возможность развивать науку и искусства. Кроме того, марсиане почти победили смерть (в этом сказывается влияние идей современника Инфантьева Н. Федорова [История литературы Урала, т. 2, с. 1070]).

Таким образом, герой Инфантьева путешествует не только в пространстве — на другую планету, но и во времени — в отдаленное будущее, которое на Земле пока недостижимо. Внимание уделяется не только совершенному общественному устройству, но и техническому прогрессу (строение солнц, освещающих планету, поездов и т. д.).

В изначальном тексте романа предполагалось, что на Марсе царит полное социальное равенство, уничтожение всех видов и форм эксплуатации человека человеком, высокая культура, невиданное развитие науки, слияние всех наций в одну под эгидой «Царства Труда» [Блюм]. Роман в таком виде был запрещен к публикации в 1896 г. В итоге через пять лет роман вышел из печати, но без социально-утопических размышлений автора.

Изменение хронотопа — с Земли начала XX в. на Марс — позволяет Инфантьеву создать утопическое пространство и время. Е. Шацкий отмечал, что «утопия места подвергает сомнению самоочевидность и “естественность” общественного порядка, показывая, что где-то в мире возможен порядок, принципиально иной и более совершенный. Утопия времени — прошлого или будущего — делает то же самое, показывая, что когда-то было или когда-нибудь будет совершенно иначе и лучше» [Шацкий, с. 80]. В случае Порфирия Инфантьева создается и утопия места (Марс), и утопия времени (будущее по отношению к Земле).

Герой не сомневается, что подобное благоденствие, как на Марсе, у него дома недостижимо, но стремится вернуться на Землю: «Я предпочитал лучше жить вместе с людьми, чем оставаться чужим среди благоденствующих марсиан» [Инфантьев].

Практически с момента своего появления на русской почве фантастика взяла на себя функцию прогнозирования будущего, выполняя роль, свойственную пропаганде, публицистике, политике и утопии [Кукулин; Бреева; Фокин; Геллер]. В этой связи вполне логично, что утопические черты долго не покидали научную фантастику.

Начиная с П. Инфантьева, образ Марса как пункта назначения космического путешествия прочно вошел в общественное сознание. После него выходят романы В. И. Крыжановской «На соседней планете» (1903) и А. Богданова «Красная звезда» (1908).

Оба текста также утопичны и представляют Марс как более высокоразвитое государство (в плане мистики и магии — у Крыжановской, как царство коммунизма — у Богданова).

Роман В. И. Крыжановской «На соседней планете» — мистическая утопия, первый опыт в написании «космических» романов, в котором намечаются темы, важные для писательницы в дальнейшем. Индийский маг Атарва и его ученик князь Андрей Шелонский, мать которого очень дружила с Е. П. Блаватской, отправляются на Марс в резиденцию магов. Пока Атарва постигает новые знания, его ученик, получивший имя Ардеа, в сопровождении другого мага Сагастаса отправляется в путешествие по планете. Он становится почетным гостем у разных народов. В конце концов он прибывает к селенитам — особому народу с белой кожей, живущему в горах. Там он влюбляется в верховную жрицу народа, она отвечает ему взаимностью, но навлекает гнев богов. Под давлением Сагастаса землянин вынужден покинуть любимую.

Как можно заметить, обитатели Марса у Крыжановской — гуманоиды, в отличие от странных существ с хоботами и клювами, описанных в романе Инфантьева:

Представьте себе нечто вроде громадной жабы с огромной птичьей головой на толстой, крепкой шее. Посреди широкого лба, в нижней его части, блестел единственный круглый, большой, пристально на меня направленный глаз. Под этим глазом тотчас же начинались длинные вытянутые мягкие губы, похожие на широкий клюв, с толстым мясистым языком внутри. Верхушка же головы оканчивалась каким-то небольшим, подвижным воронкообразным органом [Инфантьев].

Руки марсианам заменяют хоботы с желтой кожей, тело же у них покрыто синей чешуей. Подобное описание существ на Марсе делает историю об их идеальном государстве еще более фантастической.

В то же время у Крыжановской обитатели Марса антропоморфны: «Марсианин был выше ростом, полнее и шире в плечах; череп его имел тоже иную форму, цвет лица был красновато-темный, а волосы — черные с медным отливом.

Но самое странное впечатление производили большие, на выкате, глаза — ярко-синего цвета, блиставшие, словно драгоценные камни» [Крыжановская]. Объяснение сходству землян и марсиан находится в том, что «все совершается... по одному и тому же закону, для каждой солнечной системы» [Там же].

В то же время Марс, изображенный Крыжановской, — это не идеальное государство, победившее сословные предрассудки. Планета населена народами, стоящими на разных ступенях социального развития: есть высшие и низшие расы. Как и в романе Инфантьева, хронотоп дороги позволяет показать читателям и герою разнообразие планеты: ее производства, религиозные обычаи, политический строй и жизненный уклад.

В романе Крыжановской больше внимания уделяется самому пути на Марс. Если у Инфантьева путешествие происходит ментально, то в романе «На соседней планете» описан перелет из Гималаев на Марс. Путешествие проводит индийский маг Атарва, у которого есть воздушное судно в форме сигары, «которая на конце имела вращающееся колесо, вроде тех приспособлений, которые устраиваются над лампами и служат для собирания копоти». У аппарата есть окна, а внутри — сиденье и «электрический двигатель, с подвижным рулем вроде того, какой бывает у велосипеда; спереди металлическая сигара была снабжена фонарем» [Там же]. В воздух аппарат поднимается с помощью воздушного шара, после чего продолжает путь самостоятельно. На Марсе для него зажигают маяк — «громадный столб электрического света», который держится несколько часов.

Как отмечает Б. Егоров, Крыжановская «синтезировала в своих романах различные жанры и мотивы тогдашних утопий (мистика, техника и научная фантастика, социально-политическое устройство, проблемы пола и любви)» [Егоров, с. 367]. В романе «На соседней планете» утопизмом проникнута, в первую очередь, организация магов и ученых, частично управляющая планетой. Именно они способны разрешать конфликты, защищать более слабых и восстанавливать разумный мир и справедливость.

Роман А. Богданова «Красная звезда», вышедший через пять лет после космического дебюта Крыжановской, воплощает собой мечту о коммунизме. Революционер Леонид (Лэнни) из России отправляется на Марс вместе с товарищем Мэнни. В ходе полета он знакомится с особенностями жизни марсиан. На самой планете — в царстве коммунизма — Леонид пытается постигнуть все достижения марсиан, но заболевает. Его выхаживает доктор Нэтти, в которую Лэнни (вариация имени героя) влюбляется. Их роман прерван отъездом Нэтти на конференцию, где решается вопрос о том, какая планета подлежит колонизации — Венера или Земля. Бывший муж Нэтти Стэрни выступает за колонизацию Земли и уничтожение людей. Возмущенный Леонид убивает Стэрни и возвращается в Россию, где продолжает революционную борьбу. Во время одного из выступлений Леонид оказывается ранен, из госпиталя его забирает Нэтти.

Именно этот космический роман наиболее хорошо исследован, не в последнюю очередь благодаря тому, что считался «первой в мировой фантастике революционной мотивировкой космического путешествия» [Бритиков, с. 51]. Как

уже отмечалось, на Марсе построен коммунизм: изжито социальное и гендерное неравенство, работа механизирована, а главная проблема марсиан — борьба со стихиями и истощение ресурсов планеты. Леонид исследует жизни на красной планете и даже начинает трудиться вместе с марсианами. Лэнни формулирует свою задачу так:

Надо было прежде всего постигнуть этот мир, неизмеримо богатый и своеобразный в своей жизненной стройности. Надо было затем войти в него не в качестве интересного музейного экземпляра, а в качестве человека среди людей, работника среди работников. Только тогда могла быть выполнена моя миссия, только тогда я мог послужить началом действительной взаимной связи двух миров, между которыми я, социалист, находился на границе как бесконечно малый момент настоящего между прошлым и будущим [Богданов].

У Богданова утопическое устройство жизни больше объясняется герою, нежели показывается. Возлюбленная Леонида Нэтти, гениальный ученый Мэнни и все остальные марсиане объясняют землянину устройство жизни. Сам Леонид почти не путешествует по планете. Принцип соединения утопии и ухронии (утопии времени) в романах о Марсе сохранится в «Красной звезде»: это отдаленное будущее Земли и это иное (идеальное) место. В то же время Н. В. Ковтун отмечает, что «утопический мир романа схематичен, тотально организован, и в этом, с точки зрения автора, его счастье» [Васильев, Ковтун, Проскурина, с. 131].

Можно отметить, что все исследуемые романы о Марсе роднит наличие любовной линии между обитательницей Марса и землянином.

У Инфантьева марсианка Либерия безответно влюблена в землянина:

По-видимому, психика женщин, как на Земле, так и на Марсе, одна и та же: как те, так и другие любят все необычайное, все выходящее из ряда обыденной жизни, все так или иначе интересное... Любовь эта зародилась и свила себе гнездо в ее сердце совершенно бессознательно: она совсем не думала о тех последствиях, какие могут выйти из этого [Инфантьев].

В романе у Крыжановской землянин Ардеа влюбляется в женщину из народа селениты (тоже пришельцев на Марс), верховную жрицу богини Амару. Эта любовь запретна, более того, это чувство прогневало богиню и Амаре грозит смерть. Учитель землянина увозит его и тем самым разлучает влюбленных.

Счастливый вариант подобной космической любви представлен в романе А. Богданова «Красная звезда». Нэтти и Леонид счастливы вместе на Марсе, а затем марсианка навещает раненого революционера в госпитале на Земле и увозит его с собой.

Чувства, вспыхивающие между представителями разных планет, нарушают утопичность пространства, поскольку не подчиняются воле их носителей. Можно рассматривать эти любовные союзы как залог воссоединения народов Земли и Марса. Именно этот пафос звучит в романе А. Богданова.

Продолжит эту линию космической любви роман А. Толстого «Аэлита» (1923). Но любовь Аэлиты и Лося развивается на фоне социального восстания.

У Толстого Марс утрачивает свои утопические черты — передовой с точки зрения социального уклада становится Земля. Однако представление о том, что на Марсе живет более древняя цивилизация — потомки Атлантов — сохраняется.

Е. Н. Ковтун подчеркивает, что к «Аэлите» «восходит большинство восточноевропейских социально-фантастических романов 1960–1980-х гг., повествующих о проблемах контакта с обитателями других планет... о последствиях вмешательства в естественный ход развития цивилизаций... о психологических аспектах поведения человека в космосе» [Ковтун, с. 93].

Романы о Марсе в русской культуре возникают как ответ на научные исследования в области астрономии, а также как последняя попытка создания классических утопий. Действие всех романов строится по троичной схеме: путешествие на Марс — пребывание в ином, утопическом месте — возвращение на Землю. Необходимость возвращения подчеркивает контраст между идеальным будущим (воплощенным Марсом) и повседневностью.

Отметим, что в этом «марсианский» дискурс отчасти противоположен «лунному». Луна рассматривается в фантастике как пространство, доступное освоению землянами. Эта же линия продолжится и в советской фантастике, например в «Звезде КЭЦ» А. Беляева (1936). В то же время Марс для людей почти недоступен, землянин, попавший туда, не может активно действовать и вынужден наблюдать.

Все романы в том или ином виде представляют собой повествование об идеальном государственном устройстве. У Инфантьева и Богданова жизнь на Марсе приближается к их социалистическому идеалу, а Крыжановская показывает разные модели устройства общества (при этом подчеркивается разумность и справедливость этих жизненных укладов).

Романы о Марсе начала XX в. формируют несколько важных тем, развитием которых займется последующая фантастическая традиция: во-первых, это вопрос возможности взаимодействия с обитателями иных планет, постижения их культуры. Всем персонажам этот факт дается достаточно нелегко. Во-вторых, ставится вопрос о цене подобного взаимодействия. В исследуемых нами романах цена — страдания влюбленного сердца. В то же время уже в романе Богданова возникает тема возможности космической колонизации, которая станет значимой в фантастике 1960–1980-х гг.

Утопическое изображение идеального общества и человека, достойного оказаться в этом обществе, перекликается с эстетическими доктринами жизнестроительства, популярными в Серебряном веке. Идея о возможности «плодотворного изменения человеческой жизни к лучшему посредством мысли, языка и искусства» [Григорьян, с. 218] находит свое отражение во всех трех текстах: у Инфантьева и Богданова это изменения социально-политического плана, у Крыжановской — мистического.

С 1901 г. Марс как место, где может быть близкая землянам жизнь, прочно входит в массовую литературу и массовое сознание: «циркуляция научного знания о Марсе в общественной сфере, его переход из научного дискурса

в художественный говорит о существовании особой формы риторики, “дискурса Марса”, набора устойчивых и повторяющихся формул и мотивов описания планеты Марс, понятных не только профессиональным ученым, но также писателям, издателям и их читателям» [Зубов, с. 179]. Выходят такие романы и повести, как «Аэлита» А. Толстого (1923), «Переговоры с Марсом» Л. Калинина (1924), «Пылающие бездны» Н. Муханова (1924), сборник рассказов Г. Арельского «Повести о Марсе» (1925), повесть В. Язвицкого «Путешествие на Луну и Марс» (1928). К периоду «оттепели» марсианский дискурс расширится до масштабов вселенной, чему будет способствовать роман И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957). Но вопросы, впервые поставленные в Серебряном веке, о проблемах межпланетного взаимодействия и колонизации, останутся на повестке отечественной научной фантастики еще несколько десятилетий.

Источники

- Богданов А.* Красная звезда. Л. : Красная газета, 1929. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/bogdanov-krasnaya-zvezda/bogdanov-krasnaya-zvezda.html> (дата обращения: 14.04.2021).
- Ифантиев П.* На другой планете // Помочь можно живым / сост. Л. Ю. Шувалов. М. : Молодая гвардия, 1990. С. 407–480. URL: http://az.lib.ru/i/infantxew_p_p/text_1901_na_drygoy_planete.shtml (дата обращения: 14.04.2021).
- Крыжановская В. И.* На соседней планете. Рига : Книгоиздательство Н. Гудкова, 1929. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=256297> (дата обращения: 14.04.2021).

Исследования

- Аверинцев С. С.* Поэзия В. Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8. С. 145–193.
- Блюм А.* Первая русская «марсиана» и ее автор // Уральский следопыт. 1970. № 5. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/blum_3.htm (дата обращения: 14.04.2021).
- Бреева Т. Н.* Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких «Мир Полудня» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 226–235.
- Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1970.
- Васильев И. Е., Ковтун Н. В., Проскурина Е. Н.* Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (Богданов и Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
- Гаврилина Л. М.* Топофилия современной культуры и пространственный поворот в социально-гуманитарном знании // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 28–34. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2015-0-2-28-34>
- Геллер Л.* Вселенная за пределами догмы: Размышления о советской фантастике. Лондон : Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.
- Грамотчикова Н. Б.* Северный Урал: маршруты поиска, испытания и бегства // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 117–128.
- Григорьян Н.* Революция на Земле и на Марсе: мальгузианские мысленные эксперименты в романах «Красная звезда» А. Богданова и «Аэлита» А. Н. Толстого // Новое литературное обозрение. 2015. № 2. С. 216–229.
- Егоров Б. Ф.* Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб. : Искусство-СПб, 2007.
- Зубов А. А.* Становление популярного жанра как дискурсивный процесс: научная фантастика в России конца XIX — начала XX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Мос. гос. ун-т. М., 2016.

Иванов К. Воображаемые космические путешествия в ранней советской научной фантастике // Логос. 2018. Т. 28, № 2. С. 159–224. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-2-159-220>

История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. / под ред. Е. К. Созиной. Кн. 2. М. : Издательский Дом ЯСК, 2020.

Ковтул Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М. : Высшая школа, 2008.

Козьмина Е. Ю. Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017.

Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 169–201.

Паперный В. Поэтика русского символизма // Андрей Белый. Публикации. Исследования. М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 152–168.

Сарычев В. А. Эстетика русского модернизма: Проблема «жизнетворчества». Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.

Тамарченко Н. Д. Фантастика авантюрно-философская // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М. : Издательство Кулагиной : Intrada, 2008. С. 277–278.

Фокин А. А. В ожидании «светлого будущего»: советская литература периода «оттепели» // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика / сост. Т. А. Круглова. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. С. 323–334.

Худенко Е. А. Проблема жизнетворчества в русской литературе (романтизм, символизм) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2001. № 1–2. С. 58–63.

Худенко Е. А. Жизнетворческие стратегии в русской литературе XIX–XX вв.: романтизм и символизм // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 68–71.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М. : Прогресс, 1990.

References

Averintsev, S. (1975). Poeziia V. Ivanova [Poetry of V. Ivanov]. *Voprosy literatury*, 8, 145–193.

Blum, A. (1970). Pervaia russkaia “marsiana” i ee avtor [The First Russian “Martiana” and its Author]. *Ural'skii sledopyt*, 5. Retrieved from http://www.fandom.ru/about_fan/blum_3.htm

Breeva, T. N. (2015). Dekonstruksiia utopicheskogo diskursa v tsikle proizvedenii brat'ev Strugatskikh “Mir Poludnia” [Deconstruction of the Utopian Discourse in the Brothers Strugatsky's Cycle *The Noon Universe*]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 1 (136), 226–235.

Britikov, A. F. (1970). *Russkii sovetskii nauchno-fantasticheskii roman* [Russian Soviet Science Fiction Novel]. Leningrad: Nauka.

Egorov, B. F. (2007). *Rossiiskie utopii: Istoricheskii putevoditel'* [Russian Utopias: A Historical Guide]. St Petersburg: Iskusstvo-SPB.

Fokin, A. A. (2015). V ozhidanii “svetlogo budushchego”: sovetskaia literatura perioda “ottepeli” [Waiting for the “Bright Future”: Soviet Literature of the “Thaw” Period]. In T. A. Kруглова (Ed.), *Politizatsiia polia iskusstva: istoricheskie versii, teoreticheskie podkhody, esteticheskaiia spetsifika* [Politicisation of the Art Field: Historical Versions, Theoretical Approaches, Aesthetic Specifics] (pp. 323–334). Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet.

Gavrilina, L. M. (2015). Topofiliia sovremennoi kul'tury i prostranstvennyi povorot v sotsial'no-gumanitarnom znanii [Topophilia of Modern Culture and a Spatial Turn in Social and Scholarly Knowledge]. *Observatoriia kul'tury*, 2, 28–34. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2015-0-2-28-34>

Geller, L. (1985). *Vselennaia za predelami dogmy: Razmyshleniia o sovetskoi fantastike* [The Universe beyond Dogma: Reflections on Soviet Fiction]. London: Overseas Publications Interchange Ltd.

Gramatchikova, N. B. (2019). Severnyi Ural: marshruty poiska, ispytaniia i begstva [The Northern Urals: Routes of Search, Challenge, and Escape]. *Kunstkamera*, 1 (3), 117–128.

Grigor'yan, N. (2015). Revoliutsiia na Zemle i na Marse: mal'tuzianskie myslennye eksperimenty v romanakh "Krasnaia Zvezda" A. Bogdanova i "Aelita" A. N. Tolstogo [Revolution on Earth and on Mars: Malthusian Thought Experiments in the Novels *The Red Star* by A. Bogdanov and *Aelita* by A. N. Tolstoy]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2, 216–229.

Ivanov, K. (2018). Voobrazhaemye kosmicheskie puteshestviia v rannei sovetskoj nauchnoj fantastike [Dreams about Journeys through Space and the Underworld in Early Soviet Science Fiction]. *Logos*, 28(2), 159–224. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-2-159-220>

Khudenko, E. A. (2001). Problema zhiznetvorchestva v russkoi literature (romantizm, simvolizm) [The Problem of Life Construction in Russian Literature (Romanticism, Symbolism)]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1–2, 58–63.

Khudenko, E. A. (2010). Zhiznetvorcheskie strategii v russkoi literature XIX–XX vv.: romantizm i simvolizm [Life-Construction Strategies in the Russian Literature of the 19th–20th Centuries: Romanticism and Symbolism]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 6 (25), 68–71.

Kovtun, E. N. (2008). *Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka* [Artistic Fiction in 20th-Century Literature]. Moscow: Vysshaia shkola.

Koz'mina, E. Yu. (2017). *Fantasticheskie avantiurno-istoricheskii roman: poetika zhanra* [Historical Adventure Science Fiction Novel: Poetics of the Genre]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.

Kukulin, I. (2007). Al'ternativnoe sotsial'noe proektirovanie v sovetskom obshchestve 1960–1970-kh godov, ili Pochemu v sovremennoi Rossii ne prizhilis' levye politicheskie praktiki [Alternative Social Engineering in the Soviet Society of the 1960s–1970s, or Why Left-Wing Political Practices did not Take Root in Modern Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 88, 169–201.

Paperny, V. (2002). Poetika russkogo simvolizma [Poetics of Russian Symbolism]. In A. G. Boichuk (Ed.), *Andrei Belyi. Publikatsii. Issledovaniia* [Andrei Bely. Publications. Research] (pp. 152–168). Moscow: IMLI RAN.

Sarychev, V. A. (1991). *Eстетика russkogo modernizma: Problema "zhiznetvorchestva"* [Aesthetics of Russian Modernism: The Problem of "Life Construction"]. Voronezh: Voronezh University Press.

Shatsky, E. (1990). *Utopiia i traditsiia* [Utopia and Tradition]. Moscow: Progress.

Sozina, E. K. (Ed.). (2020) *Istoriia literatury Urala. XIX vek* [A History of Ural Literature. 19th Century] (Vol. 2). Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK.

Tamarchenko, N. D. (2008). Fantastika avantiurno-filosofskaia [Adventurous and Philosophical Fiction]. In N. D. Tamarchenko (Ed.), *Poetika: slovar aktual'nykh terminov i poniatij* [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts] (pp. 277–278). Moscow: Intrada.

Vasilyev, I. E., Kovtun, N. V., & Proskurina, E. N. (2013). Proekt pereustroistva mira i russkaia proza nachala XX veka (Bogdanov i Platonov) [The Project of the World Transformation and the Russian Prose of the Early 20th Century (Bogdanov and Platonov)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2, 129–140.

Zubov, A. A. (2016). *Stanovlenie populiarnogo zhanra kak diskursivnyi protsess: nauchnaia fantastika v Rossii kontsa XIX – nachala XX vekov* [The Emergence of a Popular Genre as a Discursive Process: Science Fiction in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries] (doctoral dissertation). Moscow State University, Moscow.

Хоруженко Татьяна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: tkhoruzhenko@mail.ru

Khoruzhenko, Tatiana Igorevna

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: tkhoruzhenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0477-7517>
WoS ResearcherID: D-7700-2013